

Ольга Гаврилина

Тайна альпийского
ВОДОПАДА

— Уютный детектив —

Ольга Михайловна Гаврилина
Тайна альпийского водопада
Серия «Уютный детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65952637

Тайна альпийского водопада: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-156626-5

Аннотация

Популярная телеведущая Лола и ее команда помощников снова в гуще криминальных страстей. В маленьком итальянском городе произошло два шокирующих преступления – без вести пропал Марио Боццолли, директор завода, а потом в лесу найден мертвым рабочий Бонфини. Что связывает двух этих людей? Найти ответ на этот вопрос и узнать, куда пропал Марио, предстоит красавице Лоле...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Ольга Михайловна
Гаврилина
Тайна альпийского
водопада**

*Все имена, названия и события являются
фантазией автора, любые совпадения с
реальностью случайны.*

© Гаврилина О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Джулио несся сломя голову, перепрыгивая через низкие кусты. Он вдруг понял, что брат остался далеко позади, резко остановился, чуть не врезавшись в ель, растущую на склоне горы.

Где-то шумела вода, и мальчик пошел на звук, раздвинув длинные суховатые стебли, похожие на бамбук, и остолбенел – с самой верхушки горы стремительно летел водопад. Он падал прозрачным тугим каскадом, налетая на валуны, рассыпался искрящимися каплями брильянтов, оседал мелкими брызгами на лице. Мальчик замер, восхищенно распахнул глаза – за широкой струей виднелся силуэт человека. Он пригляделся – искаженная водой фигура, и оттого казавшаяся нереально крупной, пошевелилась. Как он туда попал? За водопад! Джулио был весьма неглуп и сразу смекнул, что, скорее всего, там углубление, на котором можно стоять, даже не касаясь самого потока. Но зачем он туда забрался?! И как?! Джулио оглянулся – ни брата, ни матери не было видно, только угрожающий подрагивающей от воды мираж виднелся напротив. Страх вцепился в желудок, а шум вдруг показался ему зловещим.

– Ей! – раздался голос брата. – Ты где?!

– Здесь! – с облегчением ответил мальчик.

– Вы куда забрались? – Из бамбуковых зарослей показав-

лась мама. – Разве можно так далеко убежать?!

– Мам! Посмотри туда. – Джулио вытянул руку в направлении водопада. Силуэт, размытый потоком воды, двинулся и исчез.

– Ну?! – Она взгляделась в сторону, указанную сыном. – Красиво.

– Там человек только что стоял! Внутри, за водным каскадом! – Он не знал, как точно объяснить месторасположение фигуры.

– Ну ты и выдумщик! – откликнулся брат.

Мама посмотрела строго и испуганно.

– Ты что-то напутал, наверное, или тебе показалось... – Она попыталась успокоить себя и детей. – Да и что ему там делать?

Она крепко взяла обоих мальчиков за руки и повела в обход по тропинке к месту для пикника, где они расположились всей семьей.

– Ничего я не напутал! – надулся Джулио.

– Ха-ха-ха! – засмеялся брат. – Водяное привидение увидел! – Он скорчил смешную рожицу и зачем-то хлопнул себя по бокам, как пингвин крыльями.

– Отстань! – насупился тот. – Если не видел, молчи!

Элиза, мать двух сыновей-погодков, подвела детей к деревянному столу, вкопанному в землю, где они оставили корзину с продуктами и подстилки, взятые на всякий случай. Ребята стали вытаскивать пластиковые контейнеры с едой и,

кажется, окончательно забыли про «водяное привидение». Но Элизу не отпускало беспокойство.

«Не надо было во второй половине дня этот пикник затевать. Нет денег на ресторан, значит, дома надо сидеть!» – подумала она.

Но так надоели эти ограничения, связанные с вирусом, а здесь день рождения мужа подоспел, вот и решили устроить праздник в лесу.

Солнце вовсю светило сквозь макушки деревьев, лаская кожу приятным теплом, и женщина успокоилась.

– Вот вы где?! – Из-за кустов показался отец семейства Аман. – Вас сразу и не найти! – Он оглядел уже накрытый стол. – Ух ты, сколько вкусностей! Здорово придумали, поужинать на воздухе, да и мне удалось с работы на целых два часа отпроситься, пока не стемнело. Правда, потом надо будет обратно вернуться.

– Предположим, сейчас только в девять темнеет, – уточнила Элиза, снимая с мужа маску и чмокая его в щеку.

– А мы и свечи взяли, на всякий случай! – похвалился старший.

– Вот и молодцы! – улыбнулся отец и усадил сыновей за стол.

Миновав припаркованный на улице автобус с «тарелкой» – «уже прямые эфиры здесь делают», Лола заехала в распахнутые резные ворота, за которыми никак нельзя было угадать нахождение плавильного завода.

Объехав яркую клумбу с пронзительно-красными цветами, она поставила «Кашкай» у самого входа в офис. Повесила сумку со встроенной скрытой камерой на плечо, проверила на месте ли телефон и вышла из автомобиля.

Лола, известная в Италии журналистка российского происхождения, вела на Пятом канале две криминальные программы «Их кто-то видел?» и «Четвертая кассация». Ее команда, или «группа захвата», как называл их маленький коллектив на летучках директор, состояла из трех человек.

Это была бойкая незаменимая Дана, тоже журналистка по образованию, имеющая по всей Италии знакомых полицейских, снабжавших ее необходимой информацией, и высокопрофессиональный, но чересчур пугливый оператор Стефано, который был готов выполнять любую работу, если этого требовало дело. Команда была сплоченной и понимала друг друга с полуслова.

Обстоятельства сложились так, что оба помощника остались в Риме компоновать материал для уже законченного предыдущего расследования, а Лола поехала в Маргару – нельзя же было упускать такой непростой случай!

Перед самым ее отъездом выяснилось, что у Даны заболело горло, а Стефано тут же заявил, что и он чувствует недомогание, и Лола отправила обоих делать тест на ковид.

К счастью, тест оказался отрицательный, но Лолу не отпускало беспокойство.

Она нацепила маску и остановилась, осматриваясь. Ни од-

ного человека вокруг не было видно, и, несмотря на солнечный день, двор без единой души казался вымершим, и это настораживало. Несколько полицейских автомобилей, пара «Фиатов» с местного телевидения, машина главных конкурентов с Первого канала во главе с Бобрехой и в стороне, приткнувшиеся носами к стенке, белый фургон и черный джип.

Это все, что увидела журналистка перед зданием завода, расположенного на самой окраине городка Маргара, ставшего за последние дни нарицательным. Невиданное и совершенно необъяснимое исчезновение Боцолли, пропавшего, по последним данным, прямо в здании завода, всколыхнуло всю Италию и заставило забыть даже о надвигающейся очередной волне вируса, о которой не переставали талдычить по телевизору многочисленные «эксперты».

Лола перед приездом уже изучила известные материалы этого дела и с ужасом констатировала, что истеричная версия собратьев по перу о том, что Боцолли был убит и сожжен тут же, в плавильной печи, очень похожа на правду. Она вспомнила, как Дана кричала ей в трубку перед отъездом:

– Это из ряда вон выходящий случай! Представляешь, человеческое тело в бурлящем металле!

– Но... – попыталась возразить Лола.

– Никаких «но»! Вся Италия даже про вирус начинает забывать, только и разговору что об этом исчезновении! Будь осторожна!

«Начинаем черстветь душой с этой профессией, – отметила про себя Лола, – раньше она только мне говорила, что я «иду по трупам», а сейчас и Дана приближается к моему уровню. Нехорошо это...»

Но она знала, что «слюнями и соплями» расследованию не поможешь, а людям надо знать правду.

Во дворе так никто и не появился, и Лола подумала, что прямо сейчас что-то происходит в цеху, раз ни один из журналистов не остался на улице, а все поспешили внутрь завода.

Она открыла входную дверь и очутилась перед белой стойкой, напоминающей гостиничную, где, видимо, предполагалось место для секретарши, которая в данный момент тоже отсутствовала. Пройдя по коридору, Лола открыла одну из дверей в самом его конце. Перед ней простирался огромный ореховый стол, окруженный стульями с высокими спинками, на одной из стен размещался большой экран телевизора, на другой стене – коричневая доска для презентаций, с аккуратно уложенными мелками на ее нижнем выступе.

Ничего себе, какой зал переговоров! Стиль комнаты совсем не соответствовал представлению Лолы о заводских помещениях.

Она заглянула за остальные двери и за последней обнаружила продолжение коридора и услышала звук голосов вдали. Журналистка тут же двинулась на шум, приготовив для съемки телефон и включив скрытую камеру в сумке. Опера-

тор и Дана должны были появиться только завтра и поэтому приходилось действовать подручными средствами.

Плавильный цех, в котором она очутилась, показался ей гигантским. Здесь было жарко, странно и непривычно пахло. В центре цеха стояли две здоровенные печи с открывающимися затворами, сбоку – с десятков поддонов с чушками и немного дальше, в отдельном отсеке, прямо из пола возвышалась горловина третьей печи с раскаленным металлом, около которой толпились полицейские, чуть поодаль расположились журналисты.

Лола сразу же оценила необычность обстановки и попыталась незаметно обернуться, чтобы снять скрытой камерой все, что ее окружало. Коллеги покосились на нее недовольно, но все же поприветствовали издали. Она не понимала, чем занимаются полицейские, которые так и стояли около открытой печи и внимательно слушали рабочего в синем комбинезоне, который что-то взволнованно объяснял.

– Добрый день! – Лола подошла к группе местных журналистов, решив, что единственный способ понять, что происходит, это разузнать подробности у своих «собратьев по перу». Зная, что спрашивать напрямую нет смысла, она сделала вид, что ей уже все известно.

– Анализы произвели, и результат любопытный, правда? Вы как считаете? – Она попробовала разговорить коллег.

– Какие такие анализы? – сразу среагировал один из них и поправил стильные очки.

– Мы понимаем, что у вас сильные информаторы, но, насколько я знаю, пробы металла берут в данный момент, и готовы они будут через несколько часов, или были еще другие анализы взяты? – влез оператор, оторвавшись от камеры, и с укором посмотрел на Лолу.

Она заметила, что в команде Бобрихи произошло шевеление, и один из ее помощников направился в их сторону.

– Ну да! Хотят на животный жир проверить, если повышенное количество обнаружат, возможно, что тело там растворили! – добавила молодая девушка, маска которой съехала вниз и открыла остренький носик, похожий на клювик воробышка.

«Так вот чем полицейские у печи занимаются! – сообразила Лола. – Теперь придется как-то выворачиваться перед своими коллегами».

Зная, что расследование этого преступления будет касаться выплавки металла и других специфических производственных терминов, Лола перед отъездом подготовилась и хорошо порылась в интернете на эту тему. Но, по-видимому, коллеги тоже не обошли вниманием этот аспект, так как вели разговор, как настоящие специалисты литейного дела.

– Насколько я знаю, готовы результаты отпечатков пальцев в офисе и в раздевалке, кажется, даже люминесцентный осмотр сделали, но следов крови не обнаружено, – на свой страх и риск выдала Лола, надеясь на свою интуицию.

«Если это не так, то коллеги должны не просто удивиться,

а взорваться от возмущения», – прикинула Лола. Полицейские задвигались и отошли от скворчащей печи к уложенным на палетах чушкам. Журналисты заволновались, вытянули шеи, переключившись на происходящее в цеху и оставили реплику Лолы без внимания. Только один репортер вопросительно посмотрел на Лолу.

– А ведь действительно, что они могут сейчас в этой плавке найти, когда уже три дня прошло с того момента, как Боцולי пропал, и печь все дни работала вовсю, – проговорил помощник Бобрихи, отделившийся от своей группы Первого канала и подойдя к Лоле.

«Ишь ты, и этот в металловедении разбирается, сразу сообразил, что к чему, – не переставала изумляться Лола. – Странно только, что производство не было остановлено. Скорее всего, это из-за бюрократических проволочек. Пока полиция добивалась нужных документов на его остановку, завод продолжал работать».

– Они, видимо, будут плавку того дня искать, когда хозяин пропал, и оттуда анализы брать, – предположила Лола.

– Точно! Вон на чушках цифры стоят, это, наверное, номера плавок, – подтвердила остроносая шустрая журналистка.

Все продвинулись поближе к палетам, и Лоле открылась дальняя часть цеха, выходящая прямо на задний двор, обрамленный лесистыми холмами, где под навесом высилась гора металлолома. Покореженные куски металла удивитель-

ным образом контрастировали с окружающей их сочной зеленью. Лола тут же вспомнила, какие изумительные пейзажи встречались ей по дороге в Маргару, по ним уже никак нельзя было предположить, что где-то, среди предальпийских красот, может прятаться безобразная уродливая куча металлических обломков.

Бобриха с первой кнопки так и стояла поодаль с коллегами, когда к ним подошел один из полицейских и, попросив отойти подальше, начал натягивать желтую оградительную ленту.

– Надо же, очухались наконец! – пробурчал репортер местного канала.

– А я так вообще поражена, что на заводе все нараспашку! Понятно, что они все в прострации находятся после того, что случилось, но все же, – наблюдая за полицейским, проговорила широкоплечая, как пловчиха, молчавшая до этого журналистка и вытащила микрофон. – Начальник в этом отделении вполне адекватный, в конце рабочего дня обычно делится информацией, – ответила она на вопросительный взгляд Лолы.

«Не только все нараспашку, но и съемку все ведут в открытую. Не похоже, что у операторов договоренность, скорее всего, все пущено на самотек – хозяин в шоке, а служащие побросали свою работу», – прикинула Лола.

Стражи порядка направились к выходу, а папарацци бросились за уходящими. Бобриха оказалась первой и уже суну-

ла микрофон в нос шефу, задавая вопросы. Но Лола заметила, что два человека в штатском остановились с рабочим около чушек.

«Скорее всего, это криминалисты», – подумала она.

Лола не спешила бежать за толпой, а направила глазок камеры, спрятанной в сумке, на людей, оставшихся рядом с уложенными слитками.

Здесь было темновато, а желтая лента не давала подойти ближе, но, поставив камеру на максимальное увеличение, Лола решила, что только так она сможет понять, какой путь расследования выбрали полицейские.

Несмотря на реплику коллеги об адекватности начальника отделения, надежды на его четкие ответы у Лолы почему-то не было.

Затаившись у самой стены, она прислушалась. Гулкие голоса собратьев по перу эхом отдавались под высокими сводами.

– Вы уже полностью отвергаете версию о том, что Боцولي жив? Правильно ли мы поняли, что вы решили взять на анализ ту плавку, которая была сделана во время дежурства Боцولي на заводе? Почему работу цеха остановили только сегодня? Какие дальнейшие шаги предполагает произвести полиция?

Хваленый начальник полиции половину вопросов проигнорировал, а на остальные отвечал недовольно и односложно, и Лола порадовалась, что не толчется там со всеми,

пытаясь пролезть вперед с микрофоном.

В это время рабочий вытащил одну из чушек из кладки и взялся за другую на рядом стоящем поддоне.

«Покажу зрителям, как происходит отбор проб, по-моему, это будет интересно».

Один из криминалистов, как ей показалось, повернулся в ее сторону и что-то тихо сказал. Лола вжалась в стенку, но на нее не обратили внимание.

– Здесь нет необходимого оборудования. Распилим в... – произнес рабочий, и Лола опять не расслышала последних слов.

«Наверное, кусок хотят отпилить от чушки для анализа», – сообразила она.

Слитки были положены на тележку, все двинулись к выходу. Рабочий катил тележку, которая издавала пронзительный скрежет, два полицейских вышагивали по бокам, напоминая охранный эскорт. Лола хмыкнула и тут же, испугавшись, отодвинулась за угол. Они прошествовали мимо и скрылись за дверью.

Оставшись одна, Лола выключила камеру и погрузилась в раздумья.

Как было известно, Марио Боцолли – один из хозяев небольшого завода, занимавшегося выплавкой маленьких партий специальных сплавов, – появился в тот день на производстве в 16.00. Переоделся в комбинезон и пошел в цех контролировать химсостав плавок. Пробыв там примерно до

19 часов, направился в раздевалку, как подтвердили рабочие, которых на тот момент там было всего двое. И все... больше его никто не видел. Ни брат Альфредо, который являлся вторым хозяином завода, ни племянник Боцоли, Сильвио, находившийся в это время в офисе, ни секретарша на входе и ни жена, которая этим же вечером ждала его в ресторане и впоследствии первая заподозрившая неладное.

Лола приблизилась к печи, у которой так долго стояли криминалисты, где была натянута заградительная лента, поднялась на цыпочки.

Не рискнув подлезть, она включила камеру. Горловина была закрыта тяжелой заслонкой, и, хотя изнутри еще чувствовался жар, было件нятно, что печь остывает.

«А ведь диаметр отверстия не такой и большой, чтобы туда тело пролезло! Хотя вероятность есть... Если бы еще глубину печи узнать, тогда можно было бы разобраться, – прикидывала журналистка. – Неужели разрезали на куски?.. Так у них и пила здесь имеется, чтобы металл резать, – вспомнила Лола, – а тело раскромсать на ней, по-видимому, ничего не стоит!»

От таких дум ей стало совсем муторно, но твердый характер и журналистская хватка не давали покинуть цех.

«Когда я еще окажусь в таких обстоятельствах, одна и на месте преступления!»

Лола снимала все подряд, уверенная, что потом выберет то, что нужно.

Тяжелый химический запах, казалось, так и застрял в носу, силуэты совершенно непонятного Лоле оборудования и каких-то станков, тянущихся у дальней стены, отбрасывали длинные угрюмые тени, которые стелились по всему полу и подползали прямо к ее ногам. Еще пыхтящие печи в полутемном цеху приобрели зловещий облик. Вся обстановка наводила на мысль, что она попала в фильм ужасов. Каждый шаг гулко отдавался под высоченным потолком, который пересекался цементными балками, откуда свисали угрожающего вида крюки.

Вдруг один из них дрогнул, устрашающий лязг разнесся по всему своду, поехал, затормозив прямо над головой журналистки, и начал опускаться. Ноги Лолы будто приклеились к полу и стали чугунными. Задрвав голову, она ошеломленно наблюдала, как крюк подъемного крана едет прямо ей на макушку.

Остановившись в полуметре, он закачался, послышался истошный металлический скрежет.

Опомнившись в самый последний момент, журналистка отскочила и выдохнула от облегчения.

– Вот черт! Здесь же нет никого, кто мог бы мне кран на темечко опустить! Или у них здесь все само по себе передвигается?! – Она сделала полный круг по цеху, вглядываясь в сумрачные и черные углы. – Но меня так просто отсюда не вытуришь! – проговорила она вслух и направилась во внутренний двор, где видела гору металлолома.

Лола все еще не оставляла надежды, что хозяин завода может быть жив, и решила проверить все ходы и выходы, которые мог бы использовать Боцоли, если бы просто решил сбежать от семьи и изменить жизнь.

Выйдя на воздух, она вздохнула всей грудью, но и здесь нос не оставлял химический запах.

Груда разнокалиберных обрезков, от которой тянулась сортировочная лента, занимала почти всю площадь. Но Лолу интересовал окружавший ее забор, состоящий из высоких гофрированных железных листов. Она прошлась по периметру, высматривая калитку, и даже постучала по листам в нескольких местах.

Не обнаружив выход и ничего на него похожего, журналистка приуныла, подумав, что все только подтверждает, что Боцоли так и не ушел с завода.

Дойдя до места, где забор примыкал к стене, она услышала гул воды.

«Похоже, что там протекает река, надо бы с внешней стороны тоже все посмотреть», – подумала Лола.

Ей стало совсем грустно и почему-то не хотелось возвращаться и опять пересекать мрачный плавильный цех с подъемными кранами наверху. Она выключила камеру, взглянула на зеленые холмы, окружающие двор, и шагнула в сумрак.

Глава 2

Марио Боцולי был невысоким смешливым и чуть упитанным человеком. Являясь обладателем обескураживающей улыбки, он никогда не «включал» ее специально, видимо даже не предполагая о реакции на нее окружающих. Характер, по сравнению с братом, имел легкий и необязательный. Часто забывал свои обещания и даже распоряжения, но почему-то на него редко кто обижался. Со старшим братом Альфредо ладил и без боя отдавал ему первенство в руководстве завода.

Он рано женился по итальянским меркам, где часто до сорока лет все еще ходят в «женихах» и «любимых сыночках», стараясь не уезжать из родительского крова. Его жена Кьяра была из богатой семьи и с врожденными замашками аристократки, что у молоденькой девушки смотрелось наигранно, но тогда это ему очень нравилось и вызывало благоговение. Ее родители проделали все возможное, чтобы развести их, но они вдвоем смогли пережить этот непростой период и смирить отца и мать с выбором дочери.

Обзаведясь семьей в двадцать два года, Марио Боцולי оканчивал техникум и уже работал у старшего брата на маленьком производстве, ангар для которого тогда арендовал Альфредо. Учеба давалась Марио с трудом, но все же, получив заветный диплом и став специалистом по магниевому-алю-

миниевым сплавам, он сделался самым нужным человеком на производстве.

Это были удачные годы для развития бизнеса, и очень скоро они уже вместе приступили к постройке завода.

Строительство было закончено, работа организована. И когда почти все, начиная с заказов и заканчивая поставками металла, шло по налаженному кругу, Марио стал изнывать от скуки. А тут еще неожиданно случилось несчастье – на пятом месяце беременности у жены произошел выкидыш. Она надолго замкнулась в своем горе, где не помогли даже психологи, а когда выяснилось, что Кьяра больше не сможет иметь детей, ее страданию не стало конца. Марио как мог пытался отвлечь и успокоить жену, но с годами это превратилось в навязчивую манию и в корне поменяло ее и так непростой характер.

На заводе ему давно надоели пыхтящие печи, бестолковые рабочие, в большинстве своем состоящие из иммигрантов из Африки, и при первом возможном случае он старался удрать из цеха в офис или влезть на переговоры, которые благодаря его шуткам тут же превращались в балаган, как говорил его брат.

– Слушай, но я же просил тебя, – возмущался Альфредо, – если неймется, ну черт с тобой, заходи в переговорную, но не встревай, ради бога, а сиди молча.

– Здоровый смех разряжает обстановку и настраивает на добродушный лад, – в ответ бесшабашно смеялся Марио. –

Контракт-то подписали же! Вот!

– Его бы час назад уже подписали, если бы не твои анекдоты, – не соглашался Альфредо.

Но никакие аргументы не действовали на младшего брата, он продолжал болтать с экспедиторами, отвлекать секретаршу и включаться в дискуссии с заказчиками. Пока не столкнулся в приемной с женой одного из рабочих.

Хелен, так звали женщину, заставила Марио застыть тут же при входе, так невообразимо безупречна была ее фигура и тонкие черты лица без косметики и новомодных уколов «красоты». В горле у него почему-то защипало, язык прилип к нёбу, а в голове затрещал электрический разряд.

«Вот это да, – удивился он своему ощущению, – я же не мальчик уже, чтобы так реагировать».

Но внутренние уговоры не помогли. Он бессловесный, как истукан, не отрывал глаз от Хелен и только перед самым ее уходом ему удалось разлепить рот и предложить ей выпить чашечку кофе.

Секретарша совсем не удивилась поведению хозяина, так как Марио любил побалагурить и часто приглашал клиентов в бар. Не обращая на них никакого внимания, она принялась щелкать на компьютере, что успокоило Боцولي.

Они сели в ближайшем кафе. Хелен оказалась улыбочливой и коммуникабельной и, беззаботно отвечая на вопросы, рассказала, что она бразильянка, вышла здесь замуж за Бернардо Бонфини, который работает у них на заводе, и что влюб-

лена в Италию.

«Хорошо, что не в мужа», – хмыкнул про себя Марио, понимая, что это не совсем так, раз она оставила свою страну и родных, переехав к супругу. Боцولي не мог оторвать взгляда от ореховых с мраморными разводами глаз, от полных наливных губ и такой волшебной улыбки. Шутки Марио, которые он, несколько расслабившись, начал вставлять по ходу ее рассказа, вызывали у Хелен искренний смех. Она откидывала голову назад, длинные волосы пленительно колышались, и заливалась задиристым хохотом, что ему безумно нравилось и приводило в непривычный трепет.

После встречи Боцولي навел кое-какие справки у секретарши и выяснил, что в тот день Хелен зашла на завод, чтобы занести мужу забытый им на столе пакет с обедом, что живут они тут же, на окраине Маргары, женаты около трех лет и детьми еще не обзавелись.

«Это тот нескладный рабочий Бернардо Бонфини, с непропорционально длинными руками, как у орангутанга, – размышлял Марио, – и такая красавица жена!..»

Необъяснимая грусть налетела удушающей волной, и он почувствовал себя бесконечно одиноким.

Дни проносились с удивительной быстротой, а Боцولي так и не видел больше Хелен, за исключением одного раза, когда ее фигура мелькнула на стоянке супермаркета. Он тормознул, завернув на парковку, но она уже села в машину, через минуту оказалась за углом и скрылась из вида.

Марио с любопытством приглядывался к Бернардо, который работал в плавильном цеху, и все не мог понять, почему его выбрала эта женщина. Эта абсурдность вызывала внутреннее раздражение, которое порой переходило в необъяснимое ожесточение против самого рабочего, что, кажется, стали замечать даже остальные плавильщики.

– Могу я несколько дней за свой счет взять в декабре? – как-то спросил Бернардо, подойдя после окончания смены к Боцоли.

«Нет!» – сразу же хотелось ответить Марио, но он сдержал себя и поинтересовался:

– А что такое?

– Мы с женой хотим к ее родителям в Бразилию съездить на Рождество.

Марио сразу представил счастливую семью, приехавшую в гости, радостных родственников и улыбающуюся Хелен, раздающую подарки, привезенные из Италии.

– Договорился, кто тебя заменит? – заставил себя произнести Боцоли. – Ты же знаешь, что мы печи не можем оставливать.

– Да, конечно. Аман отработает.

– Хорошо. Пиши заявление, – сказал хозяин, с неприязнью смотря на волосатые, болтающиеся вдоль туловища руки Бернардо.

«Вот черт! Так же нельзя, он-то в чем виноват!» – укорял себя Боцоли, но так ничего и не мог поделать. Антипатия уз-

лом скручивала внутренности, а раздражение при общении, казалось, сочилось из глаз.

Супруга Кьяра совсем отдалилась от Марио, но страдание уже не читалось на ее лице, превратившись в странное безразличие. Она начала встречаться с подругами, что несколько успокаивало Марио, и даже как-то ездила с ними на несколько дней в Венецию, что подтверждало, что она выходит наконец из депрессии. Они оба успокоились и иногда стали вместе ужинать дома или в ресторане. Но разлом, образовавшийся между ними после несчастья, так и не заполнился душевной близостью, а залившись равнодушием, только углублялся со временем. Даже самые близкие не знали о серьезности проблем в их отношениях, так как по обоюдному молчаливому согласию они старались выглядеть на людях как обычная, вполне счастливая семейная пара.

Он случайно встретился с Хелен перед самым ее отъездом в большом торговом центре. В руках у нее была куча нарядных коробок и разноцветных пакетов.

«Наверное, для родственников в Бразилии набрала подарков», – сразу догадался Марио и опять представил ее в далеком родном доме среди любящих близких.

Они натолкнулись друг на друга в дверях, и Боколи подхватил на лету один из выпавших у нее пакетов. Он сразу вспомнил пронизанные праздничной атмосферой и романтикой рождественские фильмы, где герои вот так же случайно сталкиваются, у них обязательно что-то падает, они бес-

толково начинают хвататься то за один упавший предмет, то за другой, пока их пальцы не соприкасаются... Околдованные, они смотрят друг другу в глаза... И с этого момента их захватывает великое и необъяснимое таинство любви!.. Но его грезам не суждено было сбыться, несмотря на веселую шумную суматоху вокруг, Хелен была грустна и заметно спешила. Поздравив друг друга с наступающим, они разошлись по своим машинам.

Сидя в салоне, Марио наблюдал, как ее серебристый «Фиат» двинулся с места и, пристроившись в хвост веренице автомобилей, медленно направился к выезду.

– Вот и все, – сказал он вслух сам себе, – конец фантазиям!

Он тут же представил свое Рождество, которое, поддерживая традицию добропорядочной семьи, они должны были встречать с матерью и отцом жены, и чуть не завыл в полный голос.

Машина Хелен застряла в очереди, и Марио, вдруг нажав на газ, выскочил в узкий проезд между рядами и влез перед зазевавшимся водителем «Рено». Выбравшись на дорогу, он последовал за женщиной, а когда она остановилась у своего дома, приглушил мотор и стал ждать.

Он не мог ответить на вопрос, чего он хотел и чего добивался, а просто оцепенело смотрел на маленький дом с невысоким забором и опять представлял, как Хелен достает подарки, как весело переговаривается с мужем и складывает

необходимые к поездке вещи.

Состояние его из застывшего перешло в тревожное лихорадочное, его начало потрясывать, а в голове складывалось что-то наподобие плана.

«Только еще раз увидеться... поговорить и попрощаться перед отъездом... дотронуться до руки...» – выстукивало в мозгу.

Дверь дома дернулась и распахнулась, все мысли улетучились разом. На пороге стоял Бернардо.

Напряженное ожидание превратилось в пшик, и Марио как будто рухнул под откос.

Рабочий потоптался на лестнице, нервно подергивая рукава свитера, и вернулся обратно.

Не успел Боцоли сообразить, что происходит, как Бернардо вновь появился на улице. На этот раз он был в куртке, зажег сигарету и, судорожно затягиваясь, облокотился на перила.

«Это надолго», – безнадежно подумал Марио, но тут ему позвонили с завода, и, когда он закончил разговор, Бернардо на крыльце уже не было. Боцоли включил музыку и приготовился ждать, сам толком не зная чего.

В салоне было тепло, сладостная тягучая мелодия лилась из динамиков, он прикрыл глаза, когда в окно постучали. Это была Хелен.

– Вы что-то забыли? – произнесла она.

– Да, – сказал Марио и открыл перед ней дверь. – Тебе

куда? – спросил он, от волнения переходя на «ты» и не зная, что бы придумать.

Но она не задавала вопросов, а молча уселась на сиденье. Он тихо двинулся с места и развернулся прямо посередине проезжей части, чтобы не проезжать мимо их дома.

Только теперь он заметил, что у нее заплаканные покрасневшие глаза и странный дрожащий голос.

«Видимо, с мужем поругалась», – тут же сообразил Марио, и желание помочь и спасти, как беспощадное цунами, затопило его душу.

Безмолвное, тихое присутствие Хелен давало такое необъяснимое наслаждение, что он готов был ехать и ехать, не останавливаясь и даже не произнося ни единого слова.

Он опомнился, только когда они оказались за городом. Темные разлапистые ели подступали к самой дороге, а серый тающий снег городского тротуара превратился в белый и пушистый. Вдали показались заледенелые вершушки гор, и Боцولي свернул в сторону маленького местечка Капина. Хелен продолжала молча и, казалось, безучастно смотреть в окно.

Глава 3

Лола с опаской пересекла весь плавильный цех. С сомнением бросила прощальный взгляд на опущенный крюк и, пройдя через коридор, оказалась во дворе перед центральным входом. Коллеги толпились на улице и недовольно обсуждали интервью с шефом полиции.

– Умеют же они так ответить, что вроде и сказал что-то, но в то же время никакой конкретики!

– Это точно! У политиков наших научились!

– Почему только у наших, во всем мире так.

Лола, не встречая в разговор и оставив журналистов в некотором недоумении, прошмыгнула за ворота.

– Посмотрите-ка! Она даже ни одного вопроса шефу не задала и сейчас наши мнения ее не интересуют. Или, как всегда, она все знает наперед! – услышала Лола вслед и догадалась, что последнюю фразу произнесла ее главная конкурентка Бобриха.

Завернув за здание завода, она увидела тот же железный забор и возвышающуюся над ним гору металлолома. Впереди журчал водяной поток, и она пошла на звук вдоль ограждения.

Речка была быстрая, но узкая, с блестящими вылизанными водой выступающими валунами. Ее вполне можно было назвать ручьем, если бы не недостаточная глубина, которая

просматривалась сквозь кристальный поток.

«Та-а-ак, – протянула Лола, – здесь есть места, где при желании можно ее пересечь, переходя с камня на камень, и сделать это очень быстро. А там дальше холмы и лес, а через несколько километров можно на дорогу выйти. – Она сверилась с Google maps. – Сел в автобус или поймал попутку – и начинай новую жизнь! Но забор-то цел, а у центрального входа есть камеры видеонаблюдения, которые проверяли... Пройдусь еще раз вокруг, вдруг что-то проглядела».

Лола все еще не могла согласиться с основной версией полиции, подразумевающей, что Боцоли был убит на заводе, тело его расчленили и расплавили здесь же в печи, уж больно изуверски выглядело это предположение. То, что хозяин был брошен в раскаленный металл живым, после определенных проверок полиция отмела, но кровожадность проделанного от этого не становилась менее ужасной.

«Такое садистское убийство мог осуществить только человек, насмерть обиженный Боцоли или... или... – она не могла вытянуть нужную мысль из вертящихся волчком идей, – или душевнобольной!»

Лола двигалась вдоль реки, постукивая по забору куском металла, который подобрала в цеху, решив, что таким образом проще найдет лазейку или проход, откуда мог сбежать Боцоли.

Было совершенно ясно, что быстро перемахнуть через гладкое и высокое ограждение и остаться незамеченным, бы-

ло невозможно.

Дойдя до заводской стены, где заканчивался забор, она так ничего и не обнаружила. Надо было возвращаться, и журналистка присела на старый пень, торчащий из высокой травы.

Лето подходило к концу, и изнуряющая жара, которая еще держалась по всей Италии, здесь, в предгорье Альп, совсем не чувствовалась. Лола представила обозленного и ничего не соображающего Николу Капелини с капельками пота на лбу, отрешенно уставившегося в компьютер.

– Бедный Никола, – прошептали губы.

Он не мог включить кондиционеры, установленные по всему дому, так как был обладателем редкого вида аллергии, и как только комнаты наполнялись прохладным воздухом, он раздражался безостановочным чиханием, а нос наполнялся истекающей жижей.

– Как же ты на работе устраиваешься, в такую жару? – удивлялась Лола, представляя грозного Мефистофеля, так прозвала она Капелини еще с первой их встречи, трубно сморкающегося и вытирающего распухший нос платком.

– У себя в кабинете не включаю, а в других местах приноровился.

– Это как же? – Она знала, что даже таблетки, выписанные врачом, помогали ему очень плохо.

– Я маску себе подобрал такую, что защищает не только от ковида. – Брови Лолы поползли вверх. – Да-да, именно

так! Правда, не знаю, на сколько ее хватает, хотя я как-то два часа на конференции в ней просидел, и ничего, продержался без насморка, так что масочный режим в этом отношении мне на руку.

– Так и сейчас надень, чего мучиться, а я кондиционер тогда включу, – предложила Лола.

– Нет, не хочу дома в наморднике ходить, уже сил нет. Иди сюда! – Он брал ее за руки, прикладывал ладони к своему лбу. – Какие у тебя руки прохладные! Вот мне и не жарко уже. У вас в России у всех такая кожа холодная? – Он целовал ее пальцы, потом обнимал порывисто, находил ее губы, и вот они уже оказывались на диване...

Лола всегда поражалась, как ему удастся застать ее врасплох тут же, заставив поддаться желанию, поднимающемуся медленно и неотвратимо из самых глубин ее существа.

«Вот когда мы теперь увидимся? – с горечью подумала журналистка. – Конца-краю не видно этому расследованию, да и человека так и не нашли еще... или его труп...»

Она поднялась, в сердцах стукнула по забору и повернула обратно.

Во дворе машин заметно поубавилось, журналисты поехали обедать, но один автомобиль полиции остался на месте. Лола не успела открыть дверь своего «Ниссана», как зазвонил и завибрировал ее мобильник.

– Привет! – весело бросила Дана. – Как там у вас, есть новости?

– Пока нет. Боцолы не появился. – Лола специально не стала вспоминать про версию полиции.

– Ну, ты опять за свое! Не веришь, что его могли убить! Несмотря на то что я на него никакого компромата не нарыла и врагов его не нашла, все-таки с тобой не согласна.

– Верю! Но только не таким инквизиторским способом.

– Так ведь сама обстановка располагает к такому способу. И напрягаться не надо, когда вот они – печи под боком!

– Я вам видео сброшу из плавильного цеха, а текст отдельно потом пришлю. – Лола не стала вступать в дальнейшую полемику. – Там полиция пробы металла берет.

– Видишь! Значит, они продолжают отрабатывать эту гипотезу.

– Продолжают, – нехотя согласилась начальница. – Я еще весь забор с задней стороны завода проверила, ни лаза, ни дырки не нашла.

– Вот! – совсем развеселилась Дана от своей правоты. – Это лишнее подтверждение того, что из здания он не выходил. Камеры у главного выхода, насколько мы знаем, контролировали, так куда же он тогда, по-твоему, делся?

– Пока не знаю, – угрюмо произнесла Лола. Уверенность помощницы подкосила Лолу, и, несмотря на то что сбить ее было не так просто, сомнения извилистой вереницей, как мелкие червячки, стали заползать в голову. – Вы когда приедете со Стефано? – сменила она тему разговора.

– Завтра рано утром выезжаем и к обеду должны добрать-

ся. Техники, правда, только через день придут.

– Хорошо, жду, – коротко ответила Лола и завела машину.

Гостиница, в которой поселилась Лола, была типичной для горной местности – невысокая, в два этажа, построенная из толстых бревен, с деревянными скрипучими лестницами, уютными номерами и с увитой плющом террасой, на которой было так приятно завтракать, глядя на открывающиеся зеленые холмы и дальние горы с белыми снежными вершинами. Она находилась в отдалении от завода, и, несмотря на то что все остальные журналисты жили намного ближе к центру Маргары, Лола выбрала тишину и радужную обстановку.

Она сходила к себе, захватила ноутбук и расположилась за столиком у открытого окна. Простенькая занавеска с голубыми цветочками подрагивала от легкого свежего ветерка, и она опять вспомнила про Ниолу, но заставила себя сосредоточиться на работе.

Просмотрев все, что было отснято скрытой камерой, Лола стала набрасывать текст, стараясь не углубляться в кроваво-жидкие подробности, которые и так уже с большим пристрастием были расписаны собратьями по перу.

Складывалась вполне четкая картина того вечера, после которого Боцолли больше никто не видел. На заводе находилось совсем немного народа – секретарша, которая ушла в восемнадцать часов, брат Альфредо, его сын Сильвио и двое рабочих.

«Убийца кто-то из них или чужой человек пробрался на

завод, найдя способ миновать камеры? – Лола не отметала ни одного варианта. – Надо напрямь Дану, чтобы она собрала информацию на этих людей, а если у полиции что-то уже есть, хорошо бы этот материал заполучить».

После того как Лола увидела плавильный цех, пыхтящие печи, похожие на чудовища, угрожающие крюки подъемных кранов, непонятные станки, застывшие как замороженные монстры, размышления ее все время сбивались на факт убийства и последующее расплавление тела в печи. Ее же собственная версия вдруг стала удаляться и растворилась, как то тело в раскаленном металле.

– Ну уж нет, пока все не проверю, свое мнение не поменяю, – сказала она по-русски и захлопнула ноутбук. – Пройдусь-ка я по улицам, попробую с жителями поболтать, наверняка в каждом магазине и на каждом рынке главная тема разговоров – исчезновение Боцоли.

Как будто услышав ее мысли, официант, прыскающий дезинфицирующей жидкостью на перила в дальнем конце террасы, приблизился к ее столику.

– Вы, наверное, из-за Боцоли сюда приехали? – поинтересовался он, вертя в руках бутылку с химическим средством.

– Да, совершенно верно. Я ведущая программы «Их кто-то видел», – подтвердила Лола.

– Как же я сразу не сообразил! Я же столько раз вас по телику видел. – Он откровенно уставился на журналистку и подошел еще ближе. Официант был совсем молодой, худо-

щавый и лопоухий. – Когда ваша передача идет, я часто работаю, поэтому не всегда удается ее поглядеть. Но когда получается, смотрю не отрываясь! – Он восхищенно закатил глаза к небу, видимо не находя слов.

– А ты знал Боцولي или, может, кого-то с его завода? – воспользовалась моментом журналистка.

– Не... с завода никого, а вот сам Марио с женой к нам в заведение часто приходил. У нас кухня очень хорошая считается, – с гордостью заявил парень.

– Ух ты! – изумилась Лола и тут же вспомнила, что супруга так и не дождалась Марио в ресторане после его работы. – А в тот злополучный вечер, когда Боцولي пропал, его жена не у вас ли ужинала?

– Да, у нас, – почему-то виновато подтвердил официант.

– Расскажи поподробнее, пожалуйста, во сколько пришла, до какого времени просидела, волновалась ли, короче, все, что вспомнишь. – Лола подвинула сумку со скрытой камерой так, чтобы захватить лицо парня, незаметно включила «пуск» и дружески улыбнулась.

Но вместо того, чтобы ответить, он нервно сглотнул, отчего уши его зашевелились, парень начал беспокойно оглядываться.

Большинство итальянцев с радостью соглашались на интервью, а уж про симпатичных женщин и девушек и говорить нечего – они отчаянно лезли в кадр, готовые на все, чтобы засветиться на экране. Обычно от них не отставали и моло-

дые люди. Но в данном случае что-то не складывалось, и Лола порадовалась, что она не снимает в открытую и что, возможно, официант придет в себя и разговорится.

Журналистка еще шире расплылась в обезоруживающей улыбке, стараясь подбодрить парня.

– Синьору Кьяру отец в тот вечер обслуживал, впрочем, как и всегда... они у нас как почетные гости проходят и любят, чтобы их сам хозяин встречал, – проямлил официант, – но во время аперитива она от мобильного не отрывалась, все звонила и возмущалась, это мне запомнилось.

«Так он сын хозяина! Тогда надо бы с папашей переговорить», – соображала Лола.

– Алекс! Ты уже все дела закончил? – В дверях кухни показался толстощекий седой мужчина.

– Да здесь вот журналистка насчет... – завел парень неуверенно.

– Добрый день! Так это ваш ресторан гремит на всю округу? – перебила его Лола, решив начать с откровенной похвалы, от которой не может устоять ни один хозяин. – Надо к вам всю нашу журналистскую братию позвать!

– Скромничать не буду, – тон ресторатора сменился со строгого на заинтересованный, – кто хочет попробовать типичные блюда нашей местности, это к нам. Мы не отступаем от традиций, поэтому наш зал всегда полон гостей. Даже в такие сложные времена, как сейчас.

– Конечно, конечно, – подхватила Лола, – не зря же су-

пруги Боцолли были вашими постоянными клиентами.

– Да это правильно, Кьяра очень часто к нам заезжала. Реже вдвоем с мужем. – Хозяин расслабился от похвалы и вступил в разговор.

Сын его тоже, как показалось Лоле, успокоился и остался стоять рядом с ее столиком, прислушиваясь к беседе.

– Что же произошло в тот вечер, когда она к вам четыре дня назад приехала? – Журналистка поняла, что можно перейти к конкретным вопросам.

– Да ничего. Я им столик их любимый оставил, она меня предупредила, что будет с Марио. Я ее встретил, проводил, как обычно, – он задумался, вспоминая, – выглядела она тоже как всегда, подтянутая и элегантная. Я ей аперитив сразу подал. Она очень аперитивы любит и закуски легкие... Она «Хуго»¹ не спеша допила, со мной поболтала и принялась Марио звонить, выяснять, когда он наконец появится. Вот, собственно, и все, – закончил хозяин ресторана.

Его юркие глазки, утопающие в полном лице, как изюм в булке, с любопытством посмотрели на Лолу, видимо узнав в ней телеведущую.

– Как вам показалось, она заволновалась сразу или просто была недовольна, что муж не отвечает? – не отставала Лола.

– Да в том-то и дело, что телефон его был долго вне зоны действия, а потом так вообще начал выдавать что-то странное, то гудки частые, то еще что-то. Она сама мне об этом со-

¹ «Хуго» – аперитив, популярный на севере Италии (прим. авт).

общила, когда я ей меню принес. А потом она свой мобильник убрала, возможно, отключила даже, я точно не знаю, и ужин заказала только на себя. Не видел, чтобы она переживала особенно, скорее разозлилась. Еще, помню, сказала: «И где его черти носят?!»

– То есть никаких подозрений, что случилось несчастье, у нее не было? – уточнила Лола.

– Господи! Да кому могло в голову прийти, что произошло что-то нехорошее! – воскликнул ресторатор, и щеки его затряслись.

– А это правда, что по телевизору рассказывают, будто бы Боцолы на заводе убили и в печь бросили?! – встрял Алекс.

– Не обязательно, – сдержанно ответила Лола, – мог же он куда-то срочно уехать.

– Но жене-то должен был сообщить об отъезде, да и полиция говорит, что он с завода не выходил, – гнул свою линию парень.

– Сегодня только четвертый день после исчезновения Марио Боцолы, и я думаю, что нас ждет еще много неожиданностей, – убежденно произнесла Лола.

– Это верно, – согласился Алекс, – да и вы, как профессионал, в этом деле лучше разбираетесь.

На террасу зашли две пожилые синьоры и сели за крайний столик. Официант убрал бутылку с антибактерицидной жидкостью в деревянный шкафчик, стоящий тут же, поменял перчатки, вытащив из кармана чистую пару, и направил-

ся к посетительницам.

– Кьяра очень интересная женщина, правда, всегда серьезная, а он, наоборот, балабол, рта не закрывает, – начал вспоминать ресторатор, когда сын отошел.

Лола заметила, что имя супруги Боцолы тот произносит с особой интонацией.

– Да я тоже слышала, что она красива, – подхватила Лола, подтолкнув его к откровению.

– Вот-вот! Не проста красива, а с шармом. А как пара они не смотрелись вообще. – В его голосе почувствовалась нотка то ли зависти, то ли ревности.

– Это почему же? – засомневалась Лола.

– Это объяснить трудно... Если не знаешь, что это муж и жена, скорее подумаешь, что к ней какой-то обормот прибился, – ухмыльнулся ресторатор.

– Обормот?! – вытаращила глаза журналистка.

– Да, – почему-то радостно подтвердил хозяин. – Начиная с манеры одеваться и заканчивая стилем общения и разговора, они были прямой противоположностью. Несмотря на то что Марио в люди выбился, так и остался неотесанным. – Он моргнул глазками-изюминками.

«Любят жители в маленьких городках посплетничать, но мне это на руку, – подумала Лола, – ишь, как разошелся и не остановить его! Но, скорее всего, это мнение тайного обожателя, которое вряд ли мне пригодится». Две дамы за дальним столиком весело засмеялись, ресторатор покосился в их

сторону и прекратил свои излияния.

– Спасибо и до вечера. – Лола встала, положила ноутбук в сумку. Нашупала и выключила камеру.

– Вы обещали зайти к нам в ресторан со своими коллегами-журналистами, – напомнил хозяин.

– Скорее всего, я тут у вас надолго задержусь, так что обязательно с друзьями поужинаю, – подтвердила Лола и направилась к машине.

Глава 4

Лола вышла из третьего по счету магазина и решила, что на этом закончит. В Маргаре еще оставалось достаточно тех симпатичных магазинчиков, которые в Риме прогорали и закрывались ежедневно, не выдержав конкуренции с огромными торговыми центрами. Как правило, хозяева здесь были знакомы со всеми клиентами и часто покупка продуктов превращалась в дискуссию о вирусе, беседу о детях, а то и в перепалку о политике. Но сейчас все эти темы были вытеснены разговорами об исчезновении Марио Боцолли. Чего только Лола не наслушалась, пока стояла в очереди в кассу.

Сожаления и сочувствия по поводу пропажи Марио соседствовали с жуткими предположениями о его убийстве, так что Лола удивилась кровожадности итальянского народа, которой раньше не замечала.

«Скорее всего, это их буйная фантазия зашкаливает, на которую они так горазды, а не жестокость, – определила для себя журналистка, – кажется, что они представляют себе этот случай как нечто абстрактное, что дает им возможность потренировать свое воображение, но это, конечно, не относится к тем жителям, которые хорошо знали Марио. Вряд ли друзья или родственники Боцолли затеяли бы такой разговор. Но, судя по тому, что каждый упражнялся в нагнетании страха, не заботясь о моральной стороне вопроса, это не были

близкие знакомые Марио и его семьи».

– Голову отрезали и сожгли, – с придыханием говорила полная женщина с двойным подбородком, который лежал прямо на воротничке «хомутиком».

– Да что ты лепишь, как всегда! Зачем им голову отрезать, с ней возиться, – резонно замечал продавец, – если можно все тело целиком в печь сбросить!

– Точно! – соглашался покупатель с морщинистым лицом, забирая пакет с нарезкой брезаулы.

Лола стояла поодаль, прислушиваясь, и с сожалением понимала, что это всего лишь фантазийные разглагольствования, которые нельзя принимать всерьез и вставить ни в одну из телевизионных программ.

Удивительно было то, что по личности самого убийцы почти не высказывалось каких-либо предположений, но почему-то все были уверены, что он неместный.

Очень редко проскальзывали версии о том, что Марио уехал куда-то добровольно, но они были тут же заглушены безапелляционными возгласами, уверяющими, что Боцولي был убит на самом заводе.

«Нравятся итальянскому народу страшилки, – подумала Лола, выходя из магазина. – Но понять их можно. СМИ так это дело раздули, такие подробности придумали, что любой нормальный житель Маргары, наверное, уже ночами дергается, видя во сне расчлененное тело, бурлящее в раскаленном металле. Зря я, наверное, время трачу, люди слишком

возбуждены, чтобы реально оценить трагические события».

Только в одном месте ее заинтересовало высказывание высокого молодежого мужчины в голубой майке.

– А мне совершенно не понятно, за что с Марио могли так жестоко разделаться. Обычный, я бы даже сказал, приятный и работающий человек. Насколько я знаю, ни в чем подозрительном замечен не был, так что трудно поверить в этот зверский, более того, киношный вариант убийства, – твердо заявил мужчина.

На него тут же обрушился гвалт несогласных голосов, но, дав им накричаться, он решительно произнес:

– Вместо того чтобы галдеть не переставая, ответьте мне на один вопрос, на каком основании вы так уверены в том, что Боцоли был убит, причем таким садистским способом? Или вам нравится бояться самим и других пугать?

– Это пусть полиция отвечает на такие вопросы, – вякнула костлявая девушка из-за полки с пакетами муки.

Остальные покупатели предпочли промолчать и, тихо переговариваясь, стали продвигаться к выходу.

Лола поймала мужчину, когда тот садился в машину.

– Извините, я только что слышала ваш разговор в магазине, и у меня создалось впечатление, что вы хорошо знали Марио, – выдала она скороговоркой, боясь, что он не дослушает и уедет.

– Нет, я его совсем не знал и не видел никогда, – ответил он спокойно, почему-то не удивляясь, что кто-то на него на-

скочил с вопросами.

«Я впопыхах забыла представиться, а он даже и не поинтересовался. Странно... или он узнал меня?..» – промелькнуло в голове у Лолы.

Ей никак не хотелось отпустить свидетеля, журналистское чутье подсказывало, что именно он – тот самый нужный для эфира человек.

– То есть вы неместный, я правильно понимаю? – не отставала она от него.

Он усмехнулся, захлопнул дверь автомобиля, в который собирался сесть, и в упор посмотрел на Лолу.

– Да, меня из Венеции на подмогу прислали. – Он прислонился к кузову машины и, как показалось Лоле, уезжать уже не собирался.

– Как так? На какую подмогу?! – Она почувствовала, что на верном пути.

– Я в полиции работаю и думаю, что мы с вами по роду нашей деятельности еще столкнемся, – вполне доброжелательно улыбнулся мужчина.

«Вот подфартило! И главное, коллег вокруг нет!»

– Так вы, как я слышала, придерживаетесь другого мнения, нежели официальная версия? – Лола сразу же воспользовалась случаем.

– Это не совсем так, просто хотел успокоить народ. Мне жаль, что вовремя не перекрыли информацию по расследованию, ну а журналисты, конечно, выбрали и растрезвонили

о самом страшном и впечатляющем варианте развития событий.

– При чем тут журналисты? – обиделась за коллег Лола. – Я сама лично видела, как брали пробы металла, отработывая версию убийства на заводе и расплавления тела в печи!

– Все правильно, проверять надо все! А это одна из гипотез, – наставительно заметил новый знакомый.

– Я бы сказала – главная гипотеза, – уперлась Лола.

– Вы вправе так думать, – не стал настаивать полицейский из Венеции.

Он выговаривал слова не спеша, с внутренней ухмылкой, и почему-то было понятно, что он не выложит ничего, что еще неизвестно из газет или криминальных новостей.

– Я журналистка и ведущая криминальных программ на Пятом канале. – Лола с опозданием представилась, несмотря на то что он ее, видимо, вычислил. – А вашу должность и имя можно узнать?

– Эрнесто Токачелли, специалист по экономической безопасности, – представился полицейский.

– Экономической?! – с удивлением повторила Лола. В голове у нее волчком закрутились новые догадки. – Так, значит, там, на заводе, нашли финансовые проблемы, из-за которых могли хозяина убить?!

– Ничего себе, – засмеялся Эрнесто, – я вам только свою должность назвал, а вы уже целую теорию расследования выстроили! Надо с вами быть поосторожнее.

– Так обнаружили что-то или нет? Иначе зачем специалиста из другого города было вызывать?

– Если честно, я мог бы и онлайн работать, но потом решили, что так будет быстрее, если на место прибуду. Да и я не возражал, давно по командировкам не ездил.

«Не ответил на вопрос и, видимо, не ответит», – с сожалением подумала Лола и пригляделась к полицейскому.

Он был из тех мужчин, которые обычно нравятся Данае – довольно высок и широк в плечах, майка на руках натягивалась от круглых выпуклых мышц, а чуб волос тусклой меди и пара веснушек, выглядывающих из-под маски, державшейся на крупном носу, придавала ему легкомысленный вид. Именно поэтому Лола не признала в нем сразу принадлежность к органам власти. На глаз ему можно было дать около сорока лет.

«Скорее бы Дана приехала, она бы точно нашла с ним общий язык», – промелькнуло в голове у Лолы.

– Вы в какой гостинице остановились? – Ей очень не хотелось отпускать Эрнесто, она все еще надеялась что-то у него выведать.

– Здесь у моей тетки Сусанны домик недалеко, вот у нее и остановился, – сказал он, немного смущаясь.

«Ах вот оно что! К тетке, значит, приехал погостить, хотя можно было спокойно в своем офисе сидеть и ту же работу делать», – догадалась Лола.

Эрнесто открыл машину и махнул девушке рукой:

– До свидания!

– Вы только с документами разбираетесь или допросы тоже ведете и на место преступления выезжаете? – не отпускала она полицейского.

– Это как придется, – ответил он и сел в автомобиль.

«Да он мастак от вопросов уходить, и это притом что спокоен как удав».

– До встречи! – с сожалением попрощалась Лола. – Вот вам моя визитка на всякий случай, – сунула она твердый четырехугольник в приоткрытое окно.

Он взял карточку, не глядя сунул в бардачок, и тронулся с места.

«Удачное знакомство, очень нужное, надо будет на него Дану натравить, возможно, она сможет его разговорить», – прикидывала Лола, проезжая через центр Маргары.

В переулке мелькнула нескладная фигура Бобрихи с двумя помощниками.

«Это еще что такое!» – Лола остановила машину.

Бобриха топталась у кованой калитки, за которой в окружении аккуратно подстриженных кустов виднелся двухэтажный светлый дом. Один из ассистентов пытался заглянуть вовнутрь и поднялся на цыпочки, другой готовил камеру.

– Вы не подскажете, кто вон в том доме живет? – тут же спросила Лола у проходящей светловолосой девушки с хозяйственной сумкой. Журналистка открыла дверь своего «Ниссана» и указала на калитку, возле которой толклись

конкуренты с первого канала.

– Это где журналисты стоят? – уточнила та и поправила длинные рассыпающиеся волосы.

– Да, да, – подтвердила Лола, не отрывая взгляда от группы.

– Это же дом Боцоли! Только вряд ли его жена им откроет. Она только с полицейскими общается, а после того дня, как муж пропал, дома заперлась, вот продукты ей несусь, – пояснила девушка.

Лола тут же выскочила из машины:

– А могу я вместе с тобой войти?!

– Да вы что?! – оскорбилась она, обращаясь к ней на «вы», хотя была не намного младше. – Кьяре плохо, она даже с родственниками почти не общается, все сидит в полутемной комнате и какую-то музыку слушает да телик иногда смотрит про то, как следствие продвигается.

«А ведь она права, – одернула саму себя Лола. – С этой работой и с борьбой за рейтинги я совсем бесчувственная стала».

Тут же вспомнились слова мамы о ее черствости и озабоченный голос Николы:

«Лол, что с тобой?! Ты что, забыла, что такое милосердие?!»

– Тогда я тебя здесь подожду, хорошо? – сбавила пыл Лола.

– А это еще зачем? Я вас и в маске узнала, вы же Лола с

Пятого канала, – неприязненно произнесла девушка.

Лола, привыкшая к уважительному, а то и восторженному к себе отношению, несколько растерялась.

– Тебя чем-то журналисты обидели? – предположила Лола, уверенная, что уж она-то эту синьорину видит впервые.

– Нет, – недовольно ответила та, – если хотите ждать, пожалуйста. Раньше чем через полчаса все равно не выйду. – Она направилась к дому Боцولي.

Лола увидела, как замельтешила Бобриха, подсовывая к носу девушки микрофон, и как старательно наставлял камеру оператор, но та молча открыла калитку и вошла в сад.

Лола уселась назад в машину, достала мобильник и стала просматривать новости, восстанавливая события хроники и периодически поглядывая на дом Боцولي, у которого все еще стояли коллеги с Первого канала.

Буквально на следующий день после исчезновения Марио Боцولي его старший брат Альфредо и жена Кьяра пришли в участок подать заявление о пропаже человека. Сразу же были допрошены рабочие, находившиеся в тот вечер в цехе, и, видимо, на основании их ответов был сделан вывод, что хозяина могли убить на заводе... Но почему тогда никого из них не арестовали?.. Насколько помнила Лола, в офисе завода еще какое-то время работала секретарша и Альфредо с сыном Сильвио, с ними тоже общалась полиция, но ничего подозрительного, как писали газеты, следователи из разговора не выудили.

Журналистка просмотрела еще несколько статей, но ни в одной из них не обнаружила никаких упоминаний об экономическом преступлении.

«А если оно является главной версией в расследовании и именно поэтому его так засекретили?.. Здесь без нового знакомого не обойтись», – рассудила Лола.

Прошло больше получаса, ни одна занавеска не шевельнулась в окнах, и журналисты во главе с Бобрихой двинулись в сторону главной улицы. Лола решила, что поедет через десять минут, когда калитка открылась, и в переулке показалась светловолосая девушка уже без сумки и направилась напрямиком к машине, где сидела Лола.

– Значит, так, – твердо проговорила синьорина, останавливаясь перед открытым окном автомобиля, – Кьяра ни с кем из журналистов разговаривать не собирается и просит ее не беспокоить. Жаль, что остальные ушли, это их тоже касается.

– Хорошо, – доброжелательно согласилась Лола. – На нет и суда нет! – сказала она по-русски.

– Что-что? – вытаращила глаза девушка. – Это на каком языке?

– Это на русском. Я же сама из России.

– Правда?! Я не знала, хотя передачи ваши смотрю иногда, – призналась она. – Холодно там у вас? – задала ожидаемый вопрос.

– Сейчас нет. Почти как здесь, ну, может, на несколько

градусов меньше.

– Не может быть! – пораженно застыла девушка и даже руки к щекам приложила.

– Садись, я тебя подвезу, заодно о погоде поговорим. – Лола распахнула дверь «Ниссана».

– Даже не знаю... – засомневалась та, – я сначала хотела к себе зайти, маску взять, – тон ее уже не был таким неприязненным.

Она действительно была без маски, на что уже обратила внимание Лола.

– Тем более садись в машину, не жди, когда штрафанут! А намордник я тебе дам. – Лола вытащила из бардачка целую упаковку. – Как-то у вас свободно тут, я уже несколько человек видела с открытыми лицами. – Лола специально не начала разговор с интересующей ее темы.

Синьорина пристроилась рядом с журналисткой.

– Да нет, ничего не свободно, это я впопыхах забыла надеть. Когда Кьяра позвонила, попросила продукты ей принести, я и бросилась сразу к ней. Меня и в магазин не впустили, хорошо, продавщица знакомая, вышла на улицу, список продуктов забрала и сумку потом мне вынесла. Если вы и видели кого без маски, то это на окраине города. Туда полиция редко заезжает, да и люди там сидят в своих домах, за животными смотрят да за огородами ухаживают. Девушка повеселела и тархтела не задумываясь, и Лола поняла, что сможет ее окончательно разговорить.

– Ты права, – легко согласилась Лола, – я в гостинице «Лесной» на окраине живу, там мне «безмасочники» и попадались.

– А мне как раз в ту сторону надо, моцареллу забрать!

– Вот и хорошо. – Лола проехала мимо дома Боцоли, свернула на главную улицу городка. – Тебя как зовут?

– Орнелла. – Девушка поправила упавшие на лицо золотистые волосы.

«Как много на севере Италии светловолосых людей», – посетила Лолу неожиданная мысль.

– Ты кем-то приходишься Кьяре? Или, может, Марио? – осторожно перешла она к сути.

– Никем. Моя мама у них в доме убирается, а когда что-то надо купить или еще что сделать по мелочи, меня просят. Хорошие люди и нежадные.

На Маргару начали опускаться сумерки, становилось прохладней. То ли от зажегшихся разноцветных витрин или от отсвета высоких уличных фонарей воздух принял прозрачно-фиолетовый оттенок. Даже снежные макушки гор окрасились в сиреневатый цвет.

– Красиво у вас тут! – вырвалось у Лолы.

– Да, очень! – радостно согласилась Орнелла. – Но вы еще в предгорье не были, там такие леса, такие водопады!

– Будет время, схожу, – пообещала Лола.

– Сходите обязательно, – настоятельно посоветовала та.

Журналистка понимала, что надо возвращать разговор к

супругам Боцоли, но боялась опять вспугнуть девушку. Но синьорина сама перешла к нужной теме:

– Кьяру, правда, многие не любили, считали ее... как бы это сказать... – Она пыталась подобрать слово. – Задавай, – выразилась она по-детски.

– Гордячкой, – поправила ее Лола.

– Но это не так, она мне всегда нравилась. А то, что она из богатой семьи и замашки у нее аристократические, так что же, каждому свое.

– Но разве ее богатство кому-то могло помешать? – произнесла журналистка наивным голосом.

– Как вам сказать... завидовали некоторые, это точно, может, поэтому и недолюбливали Кьяру.

– У вас тут народ вроде неплохо живет, чему уж так вот завидовать?

– Неплохо, да, но не так, как Кьяра.

Лолу удивило, что Орнелла говорила о жене Боцоли, как будто та жила отдельно от мужа.

– Ну, конечно, у супруга свой завод. Наверное, дела шли хорошо, вот он и не отказывал ни в чем Кьяре. Но ведь это все заработано честным трудом! – Лола вспомнила про экономические преступления, которые приехал расследовать полицейский из Венеции, и сразу подумала, что, может, и не совсем честным трудом, и, возможно, в этом-то все дело.

– Работал Марио с утра до вечера, это точно, но на производстве много не зарабатываешь. – Орнелла явно повторила

чьи-то слова. – У Кьяры родители очень богатые, а она единственный ребенок в семье, привыкла к роскоши, так что ее отец до сих пор балует. Если бы не он, Кьяре от многих привычек пришлось бы отказаться.

Вдали показалась освещенная терраса гостиницы «Лесная».

– Тебе куда, дорогу показывай, – произнесла Лола и поехала медленнее.

– Мне дальше за холм и направо, там сыроварня небольшая. Мне там надо моцареллу забрать и в центр в ресторан отвезти. Вот приходится чем заниматься, чтобы хоть какие-то деньги заработать. Раньше-то я продавщицей трудилась в маленьком бутике, – пояснила Орнелла, – а в связи с вирусом магазин закрыли.

– Я тебя потом обратно в центр подброшу, не беспокойся.

Лола подумала, что вечер все равно свободный и лучше она покатается с девушкой и, возможно, выведает что-то еще.

– Я вам очень благодарна, – церемонно ответила та.

«Наверное, у Кьяры научилась, не иначе», – пронеслось в голове у Лолы.

– А рестораны у вас все работают? – поинтересовалась журналистка.

– До шести вечера все, а потом навынос еду выдают. Или сам забираешь, или на дом привезут. Оранжевая зона у нас².

² Правила работы магазинов, ресторанов и других учреждений в Италии рас-

Они выехали за город, дорога сузилась. Казалось, что ветки деревьев вот-вот хлестнут в бок машины.

– Вот здесь направо, – подсказала девушка, показывая на незаметный поворот.

Они подъехали к двухэтажному светлому строению с красивым фундаментом, выложенным из речного камня. Недалеко в загоне стояли понурые рыже-коричневые коровы, напротив за отдельными ограждениями таращили грустные глаза телята.

– Мне казалось, что моцарелла – это прерогатива юга Италии. Насколько я знаю, она здесь, на севере, даже не пользуется спросом. Или местные вкусы уже поменялись? – уточнила Лола.

– Хозяин из-под Неаполя приехал относительно недавно. Кажется, у него там тоже фабрика по производству сыров была, вот он и решил здесь заняться тем, что умеет хорошо делать.

– И что, покупают моцареллу?

– Покупают, почему нет. А потом, у него и другие сыры есть, типичные северные.

Лола припарковала машину у стены дома, и Орнелла повела ее вниз по лестнице в полуподвальное помещение.

Здесь было прохладно и чисто. Вдоль стены тянулись какие-то ванны с сырной массой и молочной сывороткой. На-

пределяются в зависимости от цвета зоны – красная, оранжевая, желтая и белая (прим. авт.).

против располагались два длинных стола, накрытые белой материей, под полупрозрачной марлей проглядывались куличи рикотты.

У последней ванны они заметили человека. Он запускал руки в вязкую белую массу, плавающую в беловатой непрозрачной воде, отрывал кусок, скручивал в тугий мячик и бросал в рядом стоящую емкость. Мужчина был в маске и в стерильных перчатках, и это смирило Лолу с происходящим. Тут же в углу находилось уже автоматическое приспособление, представляющее собой крупный, сверкающий чистотой металлический цилиндр с круглыми дырками. Он медленно крутился, и из отверстий вываливались блестящие кругляши сыра и падали в подставленный таз с белесой жидкостью.

«Так вот как делают моцареллу!» – удивленно отметила про себя Лола.

– Чао, Орнелла! – Мужчина оторвался от дела. – Вон твоё ведерко с синей крышкой на полке. А это кто с тобой? – добавил чуть тише. – Лицо уж больно знакомое.

– Это журналистка и ведущая с Пятого канала, – гордо заявила девушка.

– Так предупреждать надо, когда с журналистами приезжаешь! – Он выпрямился над ванной и отряхнул руки.

– Вы не беспокойтесь, пожалуйста, я совершенно в другой области работаю. Вместе с Орнеллой к вам заглянула из чистого любопытства, потому что никогда на сыроварне не была.

– Да мы уходим уже, до свидания! – Орнелла подхватила ведро.

– Чао! – сдержанно ответил мужчина.

Они прошли мимо приоткрытой двери, за которой виднелись ряды сырных головок, подвешенных на веревке за хвостик, и на выходе столкнулись с невысоким парнишкой. Орнелла сразу же сбавила шаг и опустила глаза.

– Привет! – быстро произнес он. – Извини, спешу, уже на полчаса опоздал, сейчас разгон получу. – И потопал вниз по лестнице.

– Пока! – проронила ему вслед девушка.

Они возвращались той же дорогой. Сумерки совсем загустели и из сиреневых превратились в бархатные.

Орнелла примолкла, и Лола подумала, что ничего нового она уже не узнает.

– А тебе не кажется, что Марио мог просто уйти из дома специально и все концы обрубить? – Лола все же решила проверить свою теорию.

– Я-то его плохо знала, так как все больше с его женой общалась. Но, глядя на Кьяру, которая очень переживает и эту версию даже не рассматривает, думаю, что не мог. А потом, я сама слышала, как она со своим отцом разговаривала прямо сегодня, что-то про тело, которое так и не обнаружили, и про страхование.

– Страхование чего? – насторожилась Лола.

– Страхование жизни.

– Так это Боцולי был застрахован?! – поразились журналистка.

– Да, я так поняла. На полмиллиона евро.

Глава 5

Марио никогда не забудет, как он привез грустную и заплаканную Хелен в свой домик в горах.

Как они затопили камин и как, сидя на шкуре медведя, смотрели, не отрываясь, на пляшущие свой вычурный танец языки пламени. Как пили горячее вино, которое приготовил он сам и разлил по толстостенным стаканам, как говорили о своем детстве, совсем не вспоминая о своих семьях, и заснули здесь же перед камином. А одновременно проснувшись от холода, вдруг бросились, как в пропасть, в объятия друг друга. Они занимались любовью, «как будто в последний раз», неистово, отчаянно и бездумно.

Марио, не подозревавший о наличии у себя этой клокочущей и рычащей, как свирепый зверь, страсти, приятно вымотанный от любви, лежал рядом с Хелен. Глядя на ее идеальный профиль с прикрытыми от усталости глазами и подрагивающими ресницами, он прислушивался к себе.

«Что теперь будет? Или мы выйдем отсюда и каждый делает вид, что ничего не произошло и будем жить, как жили?.. Или?..»

Он был уверен, что у него уже не получится остаться прежним Марио. Открыв в себе неизвестные ему самому способности к неукротимой безмерной любви, он вдруг понял, что все, что было до этого, являлось всего лишь пред-

чувствием и прелюдией, а может, даже пародией на воспетое поэтами всепоглощающее чувство.

Он подбросил дров в камин, пламя взъярилось сразу же, зашипело по-змеиному, бросив отблеск на голову медведя с открытой пастью, заплясало бликами по его клыкам. Почему-то вспомнилось, как была недовольна Кьяра, когда он притащил эту шкуру и вывалил ее перед камином.

– Что это за безобразие? И где ты его умудрился найти? – менторским тоном спросила она. – Кто сейчас разделанных животных покупает? Даже я уже натуральные шубы перестала носить!

– У знакомого охотника приобрел! – с вызовом проговорил Марио и разложил шкуру.

– Со вкусом у тебя беда, это я всегда знала, но чтобы настолько!

Сейчас эти слова вызвали у Марио только тихую грусть и даже раскаяние. Он обвел взглядом гостиную, а ведь она права, распластаный медведь с большой головой смотрелся анахронизмом среди современной мебели, выбранной Кьярой.

– Сколько времени? – Хелен разлепила глаза.

– Около девяти. – Марио посмотрел на экран телефона, у которого еще вчера предусмотрительно отключил звук.

– Хочешь кофе? – Он сел на медвежьей шкуре и начал одеваться.

– Да, – односложно ответила она и потянулась.

Ему очень хотелось поцеловать ее, но вместо этого он только провел рукой по ее волосам и пошел на кухню.

Он насыпал кофе, закрутил гейзерный кофейник и, поставив его на газ, начал открывать все кухонные шкафчики, пока не нашел две упаковки с бискотти.

Они очень давно не ездили сюда вместе с Кьярой, но он любил свой «охотничий домик», как когда-то они прозвали его. Особенно летом, когда от жары можно было сойти с ума, он приезжал один в эти горы, чтобы нормально выспаться и подышать прохладой. Последний раз он был здесь неделю назад и помнил только, что в домике есть достаточно вина и кофе.

Он ждал, когда кофейник наполнится, а сердце его щемило и щемило от тоски и боли.

«Поссорилась с мужем, решила отомстить таким образом, это очень по-женски... вот и все. Но пока она еще здесь, в моей гостиной...»

Марио вдруг вновь ощутил, как его тело наливается яростной жадой обладания. Трясущимися от страсти руками он разлил кофе по маленьким чашечкам и, забыв про бискотти, понес их в гостиную.

Хелен открыла глаза и внимательно посмотрела на Марио.

– Оставь кофе и иди ко мне, – проговорила она хрипловатым от сна и от налетевшего желания голосом, поняв сразу

же, что с ним творится.

Он поставил чашки рядом на прозрачный столик и, растянувшись на шкуре, ощутил на себе гибкое и настойчивое тело Хелен. Дыхание его стало прерывистым и, притянув к себе ее гладкие крутые бедра, он погрузился в сладкую плоть...

«Нет, это не конец! Я сделаю все, чтобы не потерять ее!»

Перед расставанием Марио утратил всю свою решительность, и они разошлись, так ни о чем и не договорившись, а только обменявшись номерами мобильного. И он опять подумал, что, возможно, их встреча для нее ничего не значила.

Через день Хелен с мужем улетала на родину, и те десять дней стали для Марио самым тяжелым испытанием в жизни.

Какие только видения не появлялись в его мозгу! Они грызли его душу, откусывая каждую ночь по кусочку, не давая ни спать, ни есть и ни нормально работать!

Когда муж Хелен появился на заводе, сердце Марио забило в бешеном ритме. Он слышал, как обстоятельно Бернардо отвечал на вопросы друзей о поездке, и с горечью понял, что его опасения были не напрасны.

«Скорее всего, она обо всем забыла!»

Ему было чуть за тридцать, но в его жизни было только две женщины – совсем юная смешливая продавщица, которая очень быстро перебралась в Милан с родителями, и Кьяра, которая стала его женой. Его мало волновали рассказы старшего брата о своих похождениях, который, несмотря на наличие жены и сына, умудрялся «оприходовать», как он сам

выражался, большую часть женской половины Маргары.

Для Марио в отношениях с Хелен было все внове, и поэтому навязчивые сомнения стали его постоянными спутниками, не отпускающими ни на секунду его думы о будущем.

Но с некоторых пор он стал строить планы! Пусть осторожные и не совсем внятные, пусть больше фантазийные. Погружаясь в мысли о том, как он мог бы жить с Хелен, он совершенно забывал, где находится, и превращался в сомнамбулу.

– Ей! Проснись, – окликал его брат, – надо химсостав в первой печи проверить, ничего там рабочие не напортачили, надеюсь.

– Иду, иду! – вырывался из своих грез Марио и шел в плавильный цех.

– Завтра к нам отец на ужин придет, так что попрошу тебя не задерживаться, – строго говорила Кьяра.

Марио выныривал из дум и поднимал непонимающие глаза.

– Что-что?

– Постарайся завтра поздно с работы не приходиться, – повторила жена, – я папу на ужин пригласила.

– Понятно... Постараюсь.

Они все еще поддерживали статус образцовой семьи, и даже отец Кьяры, который стал особенно близок с дочкой после смерти жены, не был в курсе их давних и уже застывших на мертвой точке разногласий.

Даже подчиненные Марио на заводе стали замечать небывалую задумчивость шефа и тихо переглядывались между собой, кивая на необычно затихшего хозяина.

Прошло три дня после возвращения Хелен, а он все еще не решился позвонить. Но как-то, приехав в домик в горах и накотив, сидя перед камином, горячего вина, поддался воспоминаниям, взял мобильник и набрал ее номер.

– Пронто! – услышал он на том конце веселый голос и почему-то сразу же разозлился.

«Весело ей! Надо же! А я как дурак тут хожу очумевший!»

Но, узнав его, она вдруг заговорила быстро-быстро:

– Это ты! Наконец-то! Так и знала, что сегодня уж обязательно позвонишь!

– Так ты ждала?! – начал догадываться Марио, отставив бокал с вином, и даже привстал на шкуре.

– Господи! Конечно! Ты где?!

– В доме, в горах. Один сижу и тебя жду.

Она подъехала очень скоро и осталась на всю ночь. Марио, который уже давно не отчитывался перед женой о своих планах, не стал допытываться, что происходит у Хелен с мужем, если она может себе позволить не ночевать дома. Ему уже было все равно. Видя горящие от страсти глаза женщины, он наконец поверил в продолжение их истории.

С тех пор они стали не только часто встречаться в охотничьем домике, но и гуляли вместе по лесу, любовались водопадами, а иногда собирали полевые цветы. Хелен ставила

букет в светло-зеленую вазу из муранского стекла на кухонный подоконник и, отойдя на пару шагов, любовалась незатейливыми растениями, превратившимися ее стараниями в дизайнерский букет. Им все еще удавалось избегать знакомых, и это наводило на мысль, что им сопутствует удача.

Пока Хелен была на родине, Марио обдумал множество вариантов продолжения их отношений, но сейчас он отбросил все предположения с плохим концом и выбрал то, что давало им возможность, по его мнению, жить вместе, не оглядываясь на прошлое.

– Если я мужа брошу, он меня точно убьет, – сказала Хелен испуганно и серьезно во время одной из прогулок по лесу.

– Давай рассуждать здраво, если мы исполним задуманное, он тебя просто не найдет.

– А полиция?

– Но ты же не совершала никакого преступления, зачем тебя разыскивать?!

– Но он же подаст заявление о пропаже жены.

– Поищут несколько дней и перестанут. Или можно записку оставить, чтобы было понятно, что ты ушла добровольно.

– Страшно мне, столько женщин убито мужьями и любовниками, хоть телевизор не включай!

– Вот и не включай, – назидательно проговорил Марио и поцеловал ее в покрытую нежным пушком щеку.

– Я бы просто развелась, тем более что детей у нас нет.

Только это так долго у вас в Италии, минимум три года до окончательного развода. Вот за это время он мне все нервы истреплет, а то и прихлопнет где-нибудь!

– Ну, опять ты за свои страшилки, – сказал Марио ласково и опять поцеловал Хелен. – Если этот вариант выберем, я же с тобой все время буду.

Они уселись на поросший засохшим мхом валун, и Марио крепко обнял девушку за талию.

– Ну как это «все время», ты разве на работу ходить не должен?

– Да уж эта работа... Как я завидую людям, которые занимаются любимым делом! И зачем я только поддался на уговоры брата, вытянул с грехом пополам этот техникум и мучаюсь каждый день в плавильном цехе.

– Я бы по тебе не сказала, что ты такой уж мученик, – засмеялась она и, поднявшись с камня, потянула его вперед.

– Я знаю, что выгляжу вполне веселым и даже безалаберным, но это защитная реакция на жуткое и отвратительное слово «должен», которое я вынужден тащить на своих плечах на заводе.

– Мы же можем удрать с тобой, как и собирались, а потом на развод заочно подать?

– Конечно, можно и так сделать.

Они остановились у водопада и подняли головы – солнце уже зашло за гору и тяжелый гудящий поток казался темным и грозным.

– А мне струящаяся вода как будто энергию придает. – Марио прислушался к раскатистому шуму каскада. – Я это место хорошо помню, я сюда в детстве с мальчишками прибежал играть. После того как завод построили недалеко, сюда народ перестал на прогулку ходить, видишь, как все заросло, даже тропинок нет. Интересно, там, под водопадом, грот еще существует? – Он взял за руку Хелен и потащил ее вверх. – За кусты цепляйся другой рукой! – Он залюбовался на то, как ловко и уверенно она поднимается по горе. – Здесь нормально стоишь? – Он оставил ее у остроконечного известняка. – Дальше я один. – И, сделав несколько шагов, вдруг нырнул под водопад и как будто испарился. Но, когда Хелен начала беспокоиться, вырос из-под струи и, подойдя к женщине, оказался совершенно сухим.

– Пошли я тебе что-то покажу!

Он подвел ее вплотную к каскаду, который здесь набирал силу и падал под большим углом, оставляя пространство между горой. Они юркнули под плотный широкий поток и оказались на небольшой площадке прямо за падающей водой, сквозь которую можно было разглядеть искаженный, как будто вибрирующий лес, речушку, а совсем внизу колеблющееся здание завода и крыши ангаров промзоны Маргары.

– Ух ты! – только и смогла вымолвить Хелен.

– Я же сказал тебе, что это место мне энергии придает! – Марио обнял Хелен за талию и подтолкнул в темный разлом

между камнями. – Это тот грот, который был в детстве моим убежищем.

Они оказались в полутемной пещере. Он прислонил ее к прохладной стене, медленно поцеловал в губы и почувствовал, как поддалось навстречу ее тело.

– Что, прямо здесь? – прошептала она.

– Да, прямо здесь... – Он сильно прижал ее в углубление, образованное посередине каменной глыбы, и поднял подол ее джинсовой юбки.

Они возвращались в охотничий домик умиротворенные и усталые. Марио тут же взялся жарить мясо, которое предусмотрительно засыпал специями, а Хелен резала сахарные помидорчики, отрывая по одному с тонкой зеленой веточки и складывая в глубокую керамическую тарелку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.